

4/21
ПРЕПРИНТЫ

АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
AGRARIAN ECONOMY
FOOD SECURITY

А. М. Никулин

**ФЕРМЕРСТВО РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

УДК 332.1
Рег. № НИОКТР
Рег. № ИКРБС

УТВЕРЖДАЮ
Ректор РАНХиГС
д-р экон. наук, проф.

_____ В.А. Май
« ____ » _____ 2021 г.

ПРЕПРИНТ
ФЕРМЕРСТВО РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ

Научно-исследовательская работа выполнена в соответствии с государственным заданием
РАНХиГС на 201_ год по научному направлению « _____ »

Руководитель НИР,
Директор Научно-иссле-
дательского центра аграрных ис-
следований ИПЭИ,
к-т. экон. наук

_____ А.М. Никулин

Цель исследования – систематизация процессов дифференциации и интеграции социально-экономических практик в российских фермерских хозяйствах. Для этого обозначены перспективы и ограничения этих процессов, в том числе, по результатам эмпирического изучения в ключевых аграрных регионах Российской Федерации, основанного на сочетании количественного и качественного подходов. Собранные в рамках кейс-стади данные позволили определить основные социально-экономические страты фермерских хозяйств, описать типы их хозяйственных практик и проанализировать альтернативные направления их социальной и региональной дифференциации и интеграции.

The study aims at systematization of the trends in the differentiation and integration of social-economic practices typical for Russian farmers. The authors identify prospects and limitations of such processes including based on the results of the empirical studies conducted in key agricultural regions of the Russian Federation. The research data collected during the field case studies allow identifying the main social-economic strata of farms, describing the types of their economic practices, and analyzing alternative directions of their social and regional differentiation and integration.

Содержание

Введение	4
1. Периодизация развития фермерства и его трактовки	5
2. Характеристика дифференциации и интеграции социально-экономических практик российских фермерских хозяйств	9
3. Социально-экономические практики фермерских хозяйств в регионах-кейсах (ключевых аграрных регионов России).....	19
Заключение.....	28
Список использованных источников.....	30

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра значения фермерских хозяйств в новых российских реалиях, а также неоднородностью различных социальных групп фермеров. В последние два десятилетия происходит стремительное расслоение фермеров на небольшую группу крупных и сверхкрупных фермерских предприятий и массовый слой мелких фермерских хозяйств. Если немногочисленные крупные и успешные фермерские хозяйства по своей экономической силе могут быть сопоставимыми даже с агрохолдингами, то остальное большинство фермерских хозяйств не может конкурировать с агрохолдингами. В целях выживания такие фермеры стараются диверсифицировать свои производственные мощности и хозяйственные практики, ориентируясь преимущественно на «зеленые» технологии и выпуск экологически чистой продукции. Это заставляет фермерские хозяйства расширять и диверсифицировать взаимодействие с поставщиками, имеющими соответствующие сертификаты качества. Одновременно новые фермеры все чаще используют потенциал своих хозяйств в целях развития сопутствующих несельскохозяйственных практик – агротуристических, сервисных, рекреационных, культурно-просвещенческих и т.п. Многообещающие перспективы такого рода практик обеспечиваются сочетанием потенциалов фермерских хозяйств, часто имеющих разную производственную специализацию.

Большинство российских и зарубежных исследований, посвященных изучению фермерских хозяйств, сосредоточены на отдельных аспектах их деятельности: производственных, экономических, инвестиционных, демографических, экологических, взаимодействии с государством и т.п. Центр аграрных исследований в дополнение к перечисленным аспектам позиционирует российское фермерство как ключевого «игрока» на стыке важнейших направлений общественного развития. Хозяйственные стратегии фермерских хозяйств, ответственные за процессы социально-экономической дифференциации и интеграции, сегодня становятся драйвером социально-экономического развития, поэтому проблемы эффективности государственной и региональной поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств все чаще рассматриваются на научных конференциях, которые проходят в основном в региональных центрах. В последнее время в научных публикациях стали появляться термины, выделяющие из общей массы фермерских хозяйств группу, отличающуюся особыми качествами социального капитала и опирающуюся на технологические достижения. Чаще всего по отношению к этой группе используются такие обозначения, как «новые фермеры» или «новое поколение сельских предпринимателей».

Периодизация развития фермерства и его трактовки

Если рассматривать аграрную историю России в широком историческом контексте, начиная с отмены крепостного права в 1861 году, то окажется, что возникновение отдельной организационной, правовой и хозяйственно-экономической институции, маркируемой сегодня посредством официальной понятийной конструкции «крестьянское (фермерское) хозяйство» приурочено лишь к последнему, сравнительно краткому, размером всего в одну пятую часть 160-тилетней исторической дистанции, периоду. Данное обстоятельство носит, на первый взгляд, случайный характер, но целый ряд специалистов в области аграрной социально-экономической истории, выстраивая классификацию форм становления крестьянско-фермерской институции, подразделяют ее эволюцию на пять временных этапов. Разумеется, начальным выступает упразднение крепостных правовых порядков – первая по времени и наиболее памятная из ряда других, «великих», крестьянская реформа Александра II. Она принесла крестьянам возможность обретения личной свободы и дала им право на выкуп земельных площадей. Большинство крестьянских людей не имели возможности выкупить земельные наделы. Собственностью на землю обладали помещики, поэтому крестьяне были ограничены в возможностях самостоятельного ведения своего хозяйства [см., напр.: 1; 2; 3].

Следующий, второй этап связан с введением аграрной реформы, задуманной и динамично начатой П.А. Столыпиным. В качестве одного из ее магистральных направлений выступило предоставление земельных наделов в крестьянскую собственность, а также поэтапное упразднение института сельской общины («сельского мира») в качестве группового, совместного обладателя земли. В рамках реформы предусматривалось расширение практики кредитования крестьянских хозяйств, производился выкуп помещичьих земельных площадей для их последующей реверсии крестьянам, причем с рядом важных льгот. Вводилась новая схема землеустройства, имеющая целью более оптимальную модификацию крестьянского хозяйства путем устранения так называемой чересполосицы. Столыпин, таким образом, ратовал за деструкцию крестьянской поземельной общины, что в конечном счете должно было привести к владению крестьянами землей на праве частной собственности [см., напр.: 4; 5; 6; 7; 8].

В качестве третьего этапа эволюции фермерства следует обозначить период с 1929 по 1931 годы – драматическое, повлиявшее на исторические судьбы всего крестьянского сообщества время политики коллективизации. Отправная идеология обобществления крестьянских хозяйств была объявлена полутора годами раньше, на XV съезде ВКП(б), кото-

рый состоялся в конце 1927 года. В качестве перспективной цели тогда было принято решение о добровольно-принудительном объединении мелкомасштабных крестьянских дворов (хозяйств) в укрупненные и, по замыслу авторов данной реформации, гораздо более производительные общественные кооперативы, колхозы. Коллективные хозяйства стали некой «реинкарнацией» традиционных крестьянских общин. Разница состояла в том, что земля принадлежала не общине, а государству.

Четвертый этап эволюции фермерства наступил в начале 1960-х годов, когда была провозглашена третья Программа КПСС – главный документ партии коммунистов, принятый на XXII съезде КПСС 31 октября 1961 года. Основной целью программы было создание и проведение в жизнь плана строительства коммунистического общества, причем в течение жизни одного демографического поколения. Такого рода идеологическая устремленность не могла не повлиять на многие процессы социально-экономического развития страны. Она, в частности, привела к возникновению и упрочению особого, прежде небывалого по их объемам и формам порядка повседневных хозяйственных практик крестьянских дворов. Последние допустимо обозначить как активное, напористое, бесцеремонное и в определенном смысле нахальное иждивенчество, «нахлебничество». Такое стремительно возникшее настроение сельского мира закономерно привело к появлению изобретательных практик неформальной крестьянской экономики [9; 10].

В течение этого этапа произошло заметное сокращение масштабов ведения личного подсобного хозяйства с его одновременной ориентацией на рынок. На ворованных из колхоза кормах выращивалось мясо на продажу, в то время как общественная производительность систематически падала. Это нанесло стране значительный экономический ущерб – примерно 40% продукции сельскохозяйственного производства было потеряно. Но самое негативное следствие такого прагматического упрощенчества практик было то, что произвольно и неосмотрительно прервалась традиция многонацеленного и полифункционального крестьянского хозяйствования.

Наступившие изменения в социально-экономической ситуации начали активно перевоспитывать нацию в лице ее сельских сообществ. Деревенская молодежь начала систематически покидать деревню, испытывая растущую неприязнь к занятиям сельским трудом и ощущая притягательность городских жизненных порядков. Наблюдение лингвистов: к середине 1960-х годов в списке народных речевых изобретений появилась поговорка «Колхоз – навоз», «Пропадай, моя деревня, лучше в город, пиво пить» и т.п. В деревне остались родители, продолжающие по привычке держать скотину и сажать картофельную леваду. В это же время было положено начало преобразованию сети сельских населенных пунктов,

что выразилось в ликвидации части деревень и сел, рассматриваемых в качестве неперспективных, и создании «агрогородов» [см.: 11; 12; 13; 14].

Наконец, пятый этап был ознаменован принятием Закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» 22 ноября 1990 года, где впервые отразилась сущность КФХ как организационно-правовой формы [см.: 15; 16; 17; 18; 19]).

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН ФАО в связи с десятилетием семейных фермерских хозяйств в 2019-2028 годах предложила следующее концептуальное описание фермерского хозяйства как особой производственно-технологической и социально-культурной подсистемы современного международного сообщества: «Семейное фермерское хозяйство охватывает все виды ведения сельского хозяйства силами семьи. Оно является неотъемлемой частью развития сельских районов. Семейное фермерское хозяйство – это земледельческое, лесное, рыболовное, пастбищное производство и производство аквакультуры, которое ведет и которым распоряжается семья и которое преимущественно полагается на семейный труд – как мужчин, так и женщин. И в развитых, и в развивающихся странах семейное ведение фермерского хозяйства является преобладающей формой хозяйствования в секторе производства продовольствия. Семейное фермерское хозяйство также играет важную социально-экономическую, экологическую и культурную роль. На национальном уровне успех семейного фермерского хозяйства зависит от целого ряда факторов, среди которых благоприятная политическая среда; доступ на рынки; доступ к земле и контроль над ней и природными ресурсами; доступ к специализированным технологиям, коммуникационным и информационно-просветительским услугам; доступ к финансированию; социально-экономическая инклюзивность и устойчивость к внешним воздействиям; наличие специализированного образования» [20]. В данном концептуальном описании учтены все принципиальные свойства, измерения и функции фермерства, как оно сложилось к началу века. Действительно, семейное фермерское хозяйство играет важную и ничем пока что не заменимую социально-экономическую, экологическую и культурную роль.

Объединяет российские и зарубежные трактовки фермерства акцентирование его поколенческой специфики. Анализ существующих вариаций исходного определения фермерства приводит к необходимости рассмотрения этого лингвистически и юридически модифицированного наименования исконных хозяйственных практик крестьянства с точки зрения порядков исторической эволюции как общества в целом, так и его отдельных подсистем. Например, российскому фермерству как некой организационно-экономической, производственной и фискально-податной структуре исполнилось к настоящему времени всего

тридцать лет, что должно быть истолковано не только в элементарном календарно-хронологическом измерении, а содержательно. Время, прошедшее с начала 1990-х годов, когда драматически завершилась историческая судьба Советского Союза и лишилась непререкаемой авторитетности коммунистическая идеология, вместившее в себя длинный ряд радикальных преобразований в политике, экономике и социальной жизни, приобрело к настоящему моменту еще одно важное измерение. Календарное, регистрируемое шкалой истории время стало временем поколения. Данная констатация существенна для попыток понимания любых социально-экономических трансформаций, в том числе и эволюции фермерских сообществ. Именно сегодня на смену фермерскому «разведотряду» первого призыва уже пришли, разнообразно и прихотливо дислоцировались (подробный обзор будет осуществлен ниже) во всех аграрных регионах страны и успели развернуть достаточно специфическую хозяйственно-экономическую и социальную активность представители очередного российского поколения («посткрестьяне», «новые фермеры», «новые поселяне»).

Время завершившегося поколения в целом ряде общественных дисциплин (история современной России, политология, социальная философия, социально-культурная антропология и т.п.) принято называть «постсоветской эпохой». Это адекватное, вместительное определение, схватывающее огромный объем разноплановых общественных изменений. Что же касается исследовательских практик сельской социологии, то завершившаяся к началу 2020-х годов поколенческая дистанция чаще всего обозначается либо в качестве времени «посткрестьян» (В.В. Бабашкин, И.П. Басалаева и др.), либо как время «новых крестьян России» (О.Ю. Артемова и др.). Этот познавательно-аналитический пейзаж возникает как необходимая и естественная реакция на осознаваемый на разных уровнях общественного сознания поколенческий сдвиг, и в социологической науке последних лет, посвященной сельской проблематике, создана зона интеллектуальных интересов и перспективных замыслов.

Характеристика дифференциации и интеграции социально-экономических практик российских фермерских хозяйств

Фактически становление российского фермерства произошло в начале 1990-х годов после подписания Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным в ноябре 1990 года Закона РСФСР № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и уже в декабре следующего года Указа Президента РФ № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». Следующей важной вехой в определении правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) стали такие решения, как отмена в 2003 году Закона РСФСР № 348-1 1990 года и принятие в мае нового закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» № 74-ФЗ, который, претерпев ряд последующих редакций, действует в настоящее время. Следует отметить, что, несмотря на юридические казусы закона о КФХ от 2003 года и его редакций, такая организационно-правовая форма, как КФХ, не только показала жизнеспособность, но и демонстрирует на протяжении последних двух десятилетий уверенный рост по большинству показателей продукции сельскохозяйственного производства.

Примечательно, что процессы, имеющие отношение к таким разным организационно-правовым формам сельскохозяйственного производства, как сельскохозяйственные организации и КФХ, а также индивидуальные предприниматели, показывают столь схожую динамику после кризисного 1998 года, хотя это не просто хозяйствующие субъекты с разными правовыми статусами – они значительно разнятся по стартовым и конечным производственным, кредитно-финансовым, инфраструктурным, ресурсным и другим условиям. И уже в силу только этих обстоятельств вероятность такой синхронной динамики на протяжении двух десятилетий очень мала.

Почему статистически безупречные исчисления демонстрируют маловероятностную с точки зрения реальных условий ретроспективную динамическую картину? Объяснений может быть несколько, и большинство из них могут быть отнесены к разряду регистрационно-статистических и юридических предписаний, безупречных с формальной точки зрения, но отчасти изменяющих реальную картину процессов дифференциации и интеграции социально-экономических практик фермерских хозяйств. В частности, по категории «сельскохозяйственные организации» Росстат показывает данные по всем крупным, средним, малым (включая микропредприятия) сельскохозяйственным предприятиям, имеющим статус юридического лица и отнесенным к коммерческим организациям, которые внесены в единый государственный реестр юридических лиц. По этой категории показаны также

данные по сельскохозяйственной деятельности таких организаций, как хозяйственные товарищества, общества и партнерства, производственные кооперативы, унитарные предприятия, подсобные хозяйства несельскохозяйственных организаций и учреждений [21, с. 14].

Вместе с тем по категории «крестьянское (фермерское) хозяйство» Росстат дает данные по объединениям «граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии» [21, с. 15]. При этом не уточняется, проходят ли по этой категории данные по крестьянским (фермерским) хозяйствам, созданным как юридические лица (в первой редакции – «с правами юридического лица») в соответствии с Законом РСФСР от 22 ноября 1990 года № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и сохраняющим этот статус по действующей сегодня редакции закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ (статья 23, пункт 3). Такие КФХ как юридические лица также должны быть внесены в единый государственный реестр юридических лиц и, таким образом, данные по ним могут автоматически учитываться Росстатом по категории «сельскохозяйственные организации» наряду с малыми предприятиями, от которых они, по сути, уже ничем не отличаются.

Следует отметить, что Росстат в одну категорию с КФХ помещает и индивидуальных предпринимателей по сельскохозяйственной деятельности. Под таким предпринимателем он имеет в виду гражданина (физическое лицо), занимающегося предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента его государственной регистрации в соответствии с ГК РФ и заявившего «в Свидетельстве о государственной регистрации виды деятельности, отнесенные согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД2) к сельскому хозяйству» [22, с. 15]. Вместе с тем главой КФХ, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица по Закону № 74-ФЗ от 2003 года может быть гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя.

Анализ правовых основ создания крестьянских (фермерских) хозяйств показывает условность границ между формальными категориями хозяйств и организаций, занимающихся предпринимательской сельскохозяйственной деятельностью, поэтому выводы, сделанные на основе данных Росстата по регистрационно-статистическим категориям хозяйств, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью, должны обосновываться дополнительной социально-экономической информацией.

В настоящее время крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели вносят существенный вклад в российское производство сельскохозяйственной продукции. Так, по данным Росстата, удельный вес валовых сборов этими хозяйствами востребованных сельскохозяйственных культур в 2020 году составил около 30% от таких сборов по хозяйствам всех категорий. Причем удельный вес валовых сборов, рассчитанный как суммарный показатель по таким категориям хозяйств, как малые сельскохозяйственные предприятия, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, по такого рода сельскохозяйственным культурам составит почти 60% от таких сборов по хозяйствам всех категорий, превышая подобный показатель по крупным и средним сельскохозяйственным организациям более чем в 1,5 раза.

Следует уточнить, какими критериями руководствуется Росстат, относя сельскохозяйственных производителей к той или иной категории хозяйств (КФХ и ИП были рассмотрены выше). Категория малых сельскохозяйственных предприятий, которая по основным параметрам достаточно близка к КФХ и ИП, требует уточнения, в том числе, потому что часто не выделяется Росстатом в сводных таблицах в отдельную категорию, а учитывается в показателях категории «сельскохозяйственные организации». По последней Росстат показывает «данные по хозяйственным товариществам, обществам и партнерствам, производственным кооперативам, унитарным предприятиям, подсобным хозяйствам несельскохозяйственных организаций и учреждений» [23, с. 14], а к малым предприятиям (включая микропредприятия) относит «юридических лиц – коммерческие организации, внесенные в единый государственный реестр юридических лиц и соответствующие условиям, установленным Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ (с изменениями) “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”» [22, с. 14].

В настоящее время субъекты малого предпринимательства, занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью, по показателям производства востребованных сельскохозяйственных культур не только не уступают крупным и средним сельскохозяйственным организациям, но по большинству таких культур превышают показатели последних, иногда в несколько раз. При этом субъекты малого предпринимательства, в отличие от других категорий хозяйств, в большей степени диверсифицируют производство в сторону увеличения разнообразия продукции, что позволяет им избежать монокультурной зависимости и быстрее реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. В то же время субъекты малого предпринимательства изначально находятся на неравных стартовых позициях по сравнению с крупными и средними сельскохозяйственными организациями: например, до них

практически не доходят господдержка и субсидии, банки все чаще отказывают им в льготном кредитовании, что усложняет для них инвестирование в современные технологии и оборудование, им труднее пробиться на товарные рынки и т.п.

Субъекты малого предпринимательства, занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью, не только конкурируют с крупными и средними сельскохозяйственным организациям по ряду показателей производства востребованных сельскохозяйственных культур, но и не уступают им по урожайности таких культур. В качестве примера рассмотрим сравнительную динамику урожайности овощей за последние десять лет по сельскохозяйственным организациям и КФХ с ИП. К сожалению, в представленных Росстатом данных по динамике урожайности нет отдельной позиции по малым сельскохозяйственным предприятиям – они включены в категорию «сельскохозяйственные организации» наряду с крупными и средними субъектами. Это обстоятельство несколько искажает картину как с точки зрения эффективности производственной деятельности отдельных субъектов предпринимательства, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью, так и влияния последних на социально-экономическую устойчивость регионов. Тем не менее, показатели урожайности овощей в течение десятилетнего периода по КФХ и ИП демонстрируют уверенный рост и по темпам опережают категорию «сельскохозяйственные организации». Даже в такие сложные для сельского хозяйства годы, как кризисный 2018 и «ковидный» 2020, эта динамика не менялась. Самое сильное «ковидное» падение показателей урожайности овощей произошло по категории «сельскохозяйственные организации» – до показателя 2017 года.

Субъекты малого предпринимательства, в том числе фермерские хозяйства, диверсифицируют производство, что позволяет им более оперативно, по сравнению с хозяйствами других категорий, реагировать на внешние вызовы. Так, из всех субъектов предпринимательства, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью, сильнее всего на рыночную конъюнктуру, связанную с производством в 2020 году сахарной свеклы и масличных культур, отреагировали фермерские хозяйства. В частности, кубанские фермеры-респонденты в интервью отмечали, что в 2020 году были вынуждены резко сократить площади под сахарной свеклой из-за низкой цены на сахар, оставив такое количество культуры, чтобы полученным сахаром можно было расплатиться с арендодателями за пользование их земельными паями. Сокращение площадей под сахарной свеклой и масличными культурами в сложном с точки зрения погодных катаклизмов и «ковидных локдаунов» 2020 году позволило фермерским хозяйствам перераспределить усилия и увеличить по сравнению с 2019 годом валовые сборы почти всех востребованных сельскохозяйственных культур. В

отличие от фермерских хозяйств сельскохозяйственные организации и хозяйства населения по валовым сборам большинства культур в 2020 году не смогли превысить уровень 2019 года, за исключением сбора зерновых и зернобобовых сельскохозяйственными организациями.

Отечественное сельское хозяйство развивается довольно высокими и устойчиво сохраняющимися темпами. Об этом свидетельствуют, в частности, впечатляющие показатели урожайности и объемов экспорта сельхозпродукции – это несомненная заслуга прежде всего крупных отечественных агрохолдингов. Последние представляют собой своего рода аграрные промышленные зоны, в рамках которых происходят ежегодно возобновляющиеся и интенсифицирующиеся процессы индустриальной по своим масштабам добычи продуктов растительного и животного происхождения. За пределами таких зон наблюдается контрастная картина: не включенные в ресурсную «орбиту» агрохолдингов территории (почвенные неудобья, пустыри, вырубki, гари), а также малочисленные сельские поселения годами находятся в ситуации одичалости и хронического запустения. К этому можно добавить очевидные факты отсталости в инфраструктурном оснащении сельских пространств, что приводит к пониженным показателям качества жизни селян и к углубляющемуся отставанию в социальном развитии села. В связи с этим необходимо динамичное решение двойной преобразовательной миссии государства и общества: наряду с выполнением непосредственной функциональной задачи аграрной сферы, которая заключается в обеспечении доброкачественного пропитания страны, следует не упускать из вида вторую задачу, содержащую моменты общечеловеческого, гуманистического предназначения.

Дело в том, что село и в целом сельский мир в повседневных жизненных отправлениях и уроках выполняют ответственную и фундаментальную миссию – сохранить и исторически воспроизвести национальную идентичность, сберечь вековые хозяйственные приемы и технологические крестьянские привычки, которые время от времени изобретательно подхватываются так называемыми «новыми фермерами». Именно эти, чаще всего эфемерно-интуитивные, спонтанные озарения и попытки людей, напрямую работающих с производящей природой, могут оказаться одними из важных свидетельств наступления эпохи «нового ренессанса» [68]. Более того, они оказываются совершенно незаменимыми, если развернуть черты таких «первоначальных» практик в проекции задач творческого наследования основных цивилизационных форм, обязательно включающих в себя многообразные культурные традиции традиционного земледельческого общества.

Весьма информативен и показателен перечень проблем, характерных для сельских территорий в целом, которые сказываются на формах и темпах преобразовательной активности представителей так называемых «посткрестьян» или, как их обозначает ряд отечественных социологов, действующих акторов «новой сельскости» [см.: 25; 26; 27]. Несомненно, подобного рода трансформации отразят те, все чаще появляющиеся в общественном пространстве контрурбанистические взгляды, идеи и действия, которые будут определять не только отдаленные перспективы, но и нынешнее состояние новых поселян и представителей фермерства. Однако общий фон подобных преобразований остается негативным: прежде всего, очевиден факт нарастания диспропорций между городом и селом, определяющих уровень безработицы. В селе она достигает более 10%, в то время как городская безработица вдвое ниже. Это, приводит к тому, что около 22% сельчан живут за чертой бедности (для города эта цифра ниже 7%). К тому же и занятые сельские жители близки к отметке бедности – доля таких работающих на селе доходит до 20%.

Необходимым и перспективным дополнением к этому комплексу мероприятий может выступить практика образования в деревнях и селах рабочих мест, позволяющих выполнять работу в режиме удаленного доступа. Разумеется, для реализации этой меры необходимо в самых широких масштабах распространить на сельскую местность, в самую «глубинку», зону свободного широкополосного и высокоскоростного доступа в Интернет. Эта акция весьма многофункциональна – вызовет рост трудовой занятости сельчан, обеспечит доступ к информации селективного характера и даст заметный толчок сельской сетевой торговле. Данная тенденция уже достаточно очевидна – специалисты начали систематически фиксировать передислокацию финансов сельского происхождения как в популярные, так и в эксклюзивные торговые сетевые структуры [см.: 28; 29; 30]. В определенном смысле к системе указанных мер примыкают пока еще редкие, но постепенно количественно умножающиеся и часто лишенные стандартности инициативы по созданию бизнес-структур малого и среднего масштаба. В этом смысле показателен опыт сельских территорий Белгородской области, где нередко создаются высокотехнологичные производства (домашние сыроварни, небольшие по размерам, но выгодные с точки зрения сбыта производства по выращиванию грибов и их первичной переработке, кухни по приготовлению деликатесных и диетических изделий из молока высокопородных коз, новейшие пасеки, кислощевни, местные харчевни, австерии, жарешни и т.п.).

Фермеры провиантно-гастрономического направления изобретательно используют производственно-инфраструктурные «кладбища» бывших колхозов (брошенные мастер-

ские, опустевшие гаражи, птичники, помещения ферм, другие хозпостройки), самостоятельно и искусно их реконструируя. С такими производствами, наблюдая их растущую эффективность и востребованность, начинают активно сотрудничать банковские структуры. Все более систематически наблюдаются кооперативные связи подобных небольших производств с крупными аграрными холдингами с их новейшим технологическим оборудованием. По свидетельству департамента сельского хозяйства Белгородской области, это движение позволило создать несколько десятков тысяч стабильных рабочих мест и, тем самым, существенно повлияло на закрепление работников на селе.

Как свидетельствуют экспертные оценки, а также конкретный «низовой» управленческий опыт, далеко не каждый сельский регион способен к эффективному принятию и усвоению преобразовательных усилий по развитию сельских территорий, планомерному оздоровлению деревенской жизненной среды, динамичному повышению степени сложности, диверсифицированности и, на этой основе, созданию интегрированных социально-экономических образований, входящих в национальное фермерское сообщество. К наиболее развитым сельским регионам России относят только 14 из обследованных РАН 81 административных единиц Российской Федерации, т.е. 17%, к среднеразвитым – примерно треть (24 региона), и 35 (43%) регионов входят в список низкоразвитых, а депрессивный кластер сельских регионов насчитывает восемь единиц (меньше 1%). Таким образом, больше половины, или примерно 60%, муниципальных образований принадлежат к числу сравнительно низкоразвитых и даже депрессивных: число районов, находящихся в депрессивном состоянии, в 1,8 раза превосходит количество высокоразвитых.

Приведенная типологизация – ориентир для управленческих действий. Она, во-первых, может стать основой для целенаправленного адресования актов государственной поддержки. И, во-вторых, в свете данной типологии более понятны и предсказуемы дальнейшие эволюционные траектории и оптимальные территориальные распределения возникающих на селе новых фермерских институций. В ходе обсуждения перспективных характеристик и качеств сельской местности эксперты постоянно подчеркивают, что пространственное развитие страны целесообразно оптимизировать не столько за счет ускоренного развития городских агломераций, сколько на основе дистанцирования от чрезвычайно разрастающихся массивов искусственной среды. Однако представления о заведомо позитивных свойствах и последствиях центростремительных процессов превалируют в сознании управленцев. Так, в 2020 году в ряде областей России возникла организационно-экономическая мода на разработку стратегий развития городских агломераций. Она потеснила пресловутый «урбанизм», в середине 2010-х годов захвативший умы провинциальных губернаторов

и градоначальников. При этом само понятие урбанизма, означающее не столько конкретную научную дисциплину, сколько суммирующее некий набор представлений о формах и нормах эволюции городских пространств, в дискурсе чиновничества было редуцировано к наведению хотя бы относительного лоска на элементы городской среды, к обустройству общественных пространств, в частности, пешеходных и развлекательно-игровых зон в удобном городе.

«Агломерирование» подняло планку распорядительных усилий руководства: например, в серии стратегических сессий, посвященных Стратегии развития Саратовской агломерации до 2030 года, было объявлено, что «предстоит сформулировать новую специализацию, через которую будет раскрыт потенциал территории. Инструментом реализации может стать обеспечение мультимодальности Саратовского транспортного узла, а также реорганизация внутриагломерационной логистики, что является условием создания единого рынка труда и потребления». Однако в список уже произведенных действий вошли лишь акции по присоединению к Саратову нескольких сельских районов. «Власти Саратова расширяют территорию города за счет Саратовского района. Чиновники намерены включить в состав города три муниципальных образования: Красный Текстильщик, Александровское и Багаевское. По задумке региональных властей, семь населенных пунктов должны войти в состав Саратова, что будет способствовать развитию саратовской агломерации, однако в большинстве из них вхождение в состав Саратова не поддержали. Эксперт не исключает, что присоединение может произойти и без учета мнения жителей»¹. В местной прессе все чаще появляются тревожные репортажи и статьи по поводу намечающегося «агломерирования». Вот один из характерных заголовков (февраль 2021): «Саратов поехал в деревню: кому выгодно укрупнение областного центра и чем это чревато для жителей Саратовского района (власти молчат, сельчане паникуют)».

Е.С. Савченко, бывший губернатор Белгородской области, ныне сенатор Российской Федерации [см.: 31] в выступлении на Президиуме РАН акцентировал внимание научного сообщества на динамичной трансформации в сфере сельскохозяйственного производства: на фоне заметного роста производительности труда в постоянно индустриализирующихся отраслях сельского хозяйства, необходимость в рабочих для удовлетворения продовольственных нужд и, в целом, продовольственной безопасности страны непрерывно снижается и не превышает в настоящее 2 млн. человек. Если учесть показатели, в соответствии с которыми каждый занятый работник живет в окружении семьи, то непосредственно сельскому хозяйству для его исправного и ритмичного производственного процесса требуется

¹ См.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4574905>.

не более 10 млн человек, или примерно 7% населения России. Но такая потребность рассчитана для сельского хозяйства, для поддержания необходимых производственных операций аграрной сферы, но не для сельского поселения как единицы территориальной организации. Следует развести две разновидности аграрных практик: с одной стороны, оценки дальнейших судеб и форм такого хозяйствования на земле, которое детерминировано продовольственными нуждами; с другой стороны, обоснование социально-культурного, а наряду с ним и потребительно востребованного потенциала «архео-аграрных» практик, которые материализуются в актах целесообразного, продуманного сбережения испытанных веками фигур человеческого присутствия в непосредственном природном окружении, а также конструирование их возможных, основанных на научных открытиях биотехнологии, перспективных моделей (маршрутов сельского гастротуризма).

Изучая зависимость численности сельского населения от уровня развитости крупных форм сельского хозяйства, специалисты Института аграрных исследований ВШЭ установили, «что концентрация сельхозпроизводства в крупнотоварном секторе оказывает отрицательное влияние на численность сельского населения» [32, с. 90], а в качестве общего вывода подчеркнули, что «с позиции интересов сельского развития целесообразна корректировка аграрных субсидий – переход от форм преимущественной поддержки отдельных крупнейших проектов, требующих постоянного увеличения бюджетных средств для сохранения темпов роста, к формам, поддерживающим развитие подавляющего большинства участников отрасли, оказывающим синергетический эффект на развитие сельских территорий» [32, с. 98]. А синергия – это, прежде всего, «сообщничество», «соучастие», ценное не само по себе, а приводящее к росту эмерджентных характеристик сельских территорий. И в этой проекции более рельефно выглядят контуры оптимального соотношения крупных, занимающих огромные территории и локальных, местных, микромасштабных (прежде всего, фермерских) форм хозяйствования на земле. Данная проблематика по своему предметному полю уже не столько экономико-географическая или экономическая, сколько культурно-экологическая.

Не только на Западе, но и в России появились фермеры, занимающиеся «природосберегающим земледелием». Приведем параллельный вышеизложенному пример, который наглядно иллюстрирует то интегральное «производящее» настроение, которое все чаще выступает в качестве стержневого, ведущего как в нынешних, так и в планируемых фермерских, по сути, крестьянских, опытах. Ведь фермеров по их основным деятельностным, процедурно-технологическим (а не по родовым, поколенческим, «дворовым»), как это было в

конце прошлого века) характеристикам следует относить именно к крестьянскому сословию. И в этой функционально-производственной проекции они с исчерпывающей точностью описываются классической дефиницией Т. Шанина: «Крестьяне – это мелкие сельскохозяйственные производители, которые, используя простой инвентарь и труд своей семьи, работают – прямо или косвенно – на удовлетворение собственных нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти» [33, с. 11].

Известный исследователь сельских подворий П.П. Великий подчеркивает, что для их хозяев наиболее «важными являются такие признаки, как «материальная составляющая хозяйства и потенциал использования имеющихся ресурсов» [34, с. 255]. Он охарактеризовал объем производственных ресурсов, находящихся в распоряжении хозяев – начиная от земельных площадей, количества плодовых деревьев и кончая поголовьем кроликов, т.е. своего рода ресурсный мир сельского подворья. Изменения параметров последнего дает возможность предугадать будущность сельских подворий и деревенского социума, но лишь в одном ракурсе – материально-технологическом (склад, хоздвор, мастерская, гараж и т.п.). Однако и сам автор понимает ограниченность этого угла зрения: «Изучение специфики жизнедеятельности и хозяйствования подворий потребует выявления не только материальных предпосылок жизнедеятельности, но и комплекса смысложизненных ценностей и духовных потребностей» [34, с. 269].

Сельские территории могут успешно развиваться в современную эпоху в том случае, если особое внимание будет уделено развитию малых форм хозяйствования на основе создания потребительских кооперативов. В целом, чтобы решить задачу существенного увеличения на селе рабочих мест недостаточно используются возможности такого эффективного инструмента, как сельскохозяйственная кооперация. В XXI веке именно посредством кооперации отдельные фермеры и их сообщества смогут войти в состав уже готовых бизнес-кейсов с надежной юридической поддержкой и всесторонне просчитанным экономическим обоснованием. Именно наука должна заняться мониторингом и тщательной паспортизацией сельских территорий, для чего необходимо привлечение серьезного научного потенциала, прежде всего институтов РАН, а также числе профильных институтов, чьи научные разработки сегодня оказываются зачастую просто невостребованными.

Социально-экономические практики фермерских хозяйств в регионах-кейсах (ключевых аграрных регионов России)

Как справедливо считают отечественные исследователи, «решение задач, направленных на совершенствование форм хозяйственной деятельности аграрных товаропроизводителей и определение целесообразности их функционирования в сельском хозяйстве и в границах сельских территорий, требует не только разработки методик оценки результатов деятельности аграрных хозяйств, определения влияния различных факторов на эволюцию их внутреннего организационного устройства, моделирования трендов их развития в современных условиях среды, но и уточнения определенных концептуальных положений, касающихся сущностного содержания той или иной формы организации аграрного бизнеса, включая, конечно же, и фермерские хозяйства» [35; 36]. Такого рода уточнение становится остро актуальным именно сейчас: в условиях современной действительности постоянно растет спрос на качественную и, как принято в последние годы называть, группу особо ценных и востребованных потребителями фабрикаций и изделий, «эксклюзивную» сельскохозяйственную продукцию, «люкс-еду».

Сосредоточенное лишь на экономико-социологических проекциях исследование феномена фермерства является базовой познавательной процедурой, но не исчерпывает всей его сложности и потому представляется заведомо неполным, особенно на нынешнем поколенческом этапе фермерской истории. В связи с этим первоочередной исследовательской задачей выступает поиск достаточно развернутого ответа на следующий основополагающий вопрос: в чем заключается и как в системе практически-преобразующих акций отражается разнообразная, полиморфная специфика (социальная, экономическая, культурная, наконец, бытийная) фермерского сообщества? Или, в более обобщенной проекции — каково его жизненное призвание, в чем особенно наглядно и выразительно проявляется его витальная энергетика? Подобного рода вопросы – далеко не факультативного, попутного, уточняющего свойства. Поставленные в такой форме, они, в конечном счете, помогают окончательно уяснить следующее базовое представление: определяется ли траектория эволюции фермерства тем, что фермеры либо находятся «на подхвате» у масштабных холдингов, либо они способны к осуществлению самодостаточных, вполне оригинальных, в определенном смысле отдельных опытов существования, прокладке нехоженных в прежних аграрных практиках дорог.

Существенность данного различия не может не отражаться в современном исследовательском дискурсе. Так, авторитетный экономический социолог отмечает: «При впечатляющем росте доли фермерских хозяйств в сельскохозяйственном производстве ожидания начала 1990-х о превращении “фермерского класса” в главного кормильца страны не

оправдались. Фермерство не стало, да и не могло стать серьезной альтернативой крупным сельхозпредприятиям и особенно агрохолдингам» [37]. Эта в целом справедливая оценка подтверждается и наполняется опытом непосредственного наблюдения конкретных организационно-производственных практик. Разумеется, следует понимать, что наблюдатель наблюдателю рознь. И разные социально-организационные, профессиональные позиции порождают несовпадающие картины реальности.

В число респондентов, которые являются носителями экспертной информации, необходимо включать и так называемых «профессиональных наблюдателей» и одновременно «регуляторов» фермерских практик. Этими персонами чаще всего выступают сотрудники областных и, что особенно важно и информативно, низовых районных управлений АПК, природопользования и развития сельских территорий. Такого рода специалисты, по долгу службы хорошо знакомые практически со всеми фермерскими хозяйствами на определенной территории, способны внятно сформулировать суммированные ими в процессе работы оценки развития ситуации и достаточно объективно изложить собственные обобщенные впечатления о хозяйственных практиках конкретного фермерского сообщества. Установить исследовательские и, желательно, неформальные контакты с подобными респондентами – большая удача для социолога. Они, как правило, способны выполнить роль не только респондентов, но и надежных проводников по крестьянско-фермерскому социуму.

Весьма полезно иметь в списке информантов и представителей корпуса индивидуальных предпринимателей, которых можно условно обозначить в качестве «протофермеров» или «фермерских подсобников». Эти люди заняты, как правило, переработкой и реализацией фермерской продукции. Они обладают достаточно развитой системой знаний, умений и навыков, традиционно присущих тем представителям российского крестьянского сословия XIX – начала XX столетия, которые были заняты отхожими промыслами. «Протофермеры» прекрасно умеют приготавливать из фермерских мяса, молока, овощей, фруктов и ягод изделия старинной крестьянской гастрономии (сало, домашние колбасы, ковбык, ряженка, топленое в печи молоко, соленья бочковые и кувшинные, подовые хлеба на закваске, соленые грибы и т.д.). Обычно это люди среднего возраста, имеющие профильное образование, унаследовавшие дедовские крестьянские избы с сохранившимися русским печами и подвалами-погребями, мощеными диким камнем, – ту почти повсеместно утраченную деревенскую инфраструктуру, которая позволяет творчески возрождать традиции сельского повседневного и праздничного стола. К этой группе респондентов принадлежат

и владельцы современных, чаще всего импортного происхождения мини-заводов для производства сыров (из коровьего и козьего молока), ферм для выращивания различных аквакультур (форели, карпа, других пород, а также некоторых видов лечебно-пищевых водорослей).

Основополагающим методом социологического опроса, подробно описанным в соответствующих отечественных и зарубежных методиках, выступает интервью. Если формализованное интервью нацелено на фиксирование однотипной информации от каждого из типичных респондентов, то в процессе неформализованного интервью исследователи стараются избежать получения монотипных видов информации от каждого респондента. Важно разнообразие – и смысловое, и оценочное, и эмоциональное – записываемых нарративов. Содержательная сторона интервью информантов «незаурядного свойства» меняется от одного к другому. Каждый респондент продуцирует ту информацию или формулирует те мнения, которые считает наиболее важными и задевающими его. Поэтому гайд интервью представляет собой лишь общий путеводитель, необходимый ориентир в передвижении по фактам повседневного существования фермерского сообщества.

Для обзора выбраны следующие представители фермерских и околофермерских институций: 1) фермеры «первого призыва», старая фермерская гвардия; выступают в качестве активных деятелей начального фермерского поколения; 2) фермеры «новой формации», имеющие сравнительно краткую социально-экономическую историю, идущие на смену первого поколения; 3) индивидуальные предприниматели, выражающие своей деятельностью массив вспомогательных кооперативных практик, связанных прежде всего с переработкой и реализацией сельскохозяйственного сырья, произведенного фермерскими хозяйствами; 4) носители широкого управленческо-организационного кругозора, занимающие соответствующие должности в органах областной и районной власти; выполняли роль экспертов и проводников по сельскому социуму.

Начнем с ответа на следующий общий вопрос: каково в настоящий момент основное производственно-экономическое настроение, характеризующее отряд «бывалых» фермеров, уже имеющих солидный опыт и располагающих всеми необходимыми ресурсами (как технико-технологическими, так и финансовыми)?

Это настроение формулируется такого рода фермерами довольно элементарно, но и вполне решительно – «нам не нужно ни мешать, ни помогать». Это настроение основано на наработанном успешном опыте производства сельскохозяйственной продукции, а также на надежности давно установленных, неоднократно проверенных каналов ее реализации. Вот отрывок из интервью, записанного в Краснодарском крае: *«Поскольку у нас работников*

около 30 человек, то мы относимся к разряду мелких сельскохозяйственных предприятий. То есть мы как бы фермеры, но небольшие. Мы работаем уже больше двадцати лет. И работаем достаточно успешно. Когда я помоложе был, я частенько ездил в край, в Краснодар, в министерство сельского хозяйства, в отделы разные. А сейчас я уже никуда не езжу, уже лет пять или больше. И я уже не знаю, кто там сейчас министр, кто там начальник отдела... Нам сейчас единственно нужно вот что — чтобы нам не мешали. И ничего больше! Нам сейчас не нужны эти самые дотации копеечные! Нам рассказывают по телевизору – фермерам дают дотации миллиардные... Но они ведь до нас не доходят, ни в каком виде. А кому они идут? Да вот тем, которые наверху сидят. Этим холдингам, хозяева которых живут или в Москве, или в лондонах. Они сейчас получают 70% компенсации за строительство животноводческих ферм. Те же 70% на покупку племенного молодняка. Они все это получили и выходит, что у них помещения бесплатные, скот бесплатный. Подоили сколько-то лет, им можно и молоко продавать в убыток, в зачет чего-то там. А когда все это подошло к нулю, они всю эту скотину под нож и на рынок. И снова по дотациям начинают новый круг... А мы, рядовые фермеры, им как кость в горле. Поэтому что мы живем сами, на своих деньгах. И они бы нам, эти магнаты, они бы нам сто лет не снились. И не нужны нам эти дотации. Я не знаю, может где-нибудь на Дальнем Востоке это и нужно. Но здесь, на Кубани?! Да пошли бы они подальше с этими своими подачками! Потому что ведь вы рубль дадите, а десять рублей отнимете. Вы просто не отнимайте у нас ничего! И давать нам ничего не надо».

Подобного рода настроение, возникающее у руководителей фермерских хозяйств, когда они говорят о взаимоотношениях с крупными холдингами, можно обозначить следующей формулой — «не вполне удобное соседство» или «фактор постоянного беспокойства». И это порождено отнюдь не вопросами производственно-экономической конкуренции, а более глубокими причинами. Эта тема подробно (хотя и с явными умолчаниями) дополнительно обсуждалась с информантом 4-го типа, т.е. уже не фермером, а экспертом, заместителем главы администрации одного из районов Белгородской области по развитию сельских территорий. Его профессиональный кругозор позволяет рассмотреть как общие контуры проблематики, так и комплекс порождающих их причин.

Весьма ошутимое настроение некоторой зависимости, угнетенности, давления на местное фермерское сообщество со стороны крупных агрохолдингов усугубляется тем, что для полнокровного развития фермерства в Белогорье как наиболее пригодном для аграрного производства регионе, хронически недостает сегодня свободных земель. Тот же респондент-эксперт рассказывает об этой проблеме весьма доказательно и эмоционально.

«Мы постоянно говорим о необходимости развития мелкого аграрного бизнеса, а с землей большие проблемы. Во-первых, свободных земель практически нет. Я имею в виду Белгородскую область. Пытаемся найти какие-то неудобья, чтобы выделить желающим. Полномочия по выделению земель забрала себя область. Раньше было проще: человек пришел, написал заявление, мы ему тут в районе землю дали. А сейчас только через конкурсные процедуры это делается. Далее. Очень жесткое отношение к категориям земель, к разрешенному использованию земли. И все это в генпланах должно быть отражено. Короче, такая муторная чиновничья процедура появилась, что процесс выделения несчастного клочка земли – один гектар, чтобы фермер посадил землянику – длится больше года. А если, не дай бог, Волго-Донская водоохранная структура обнаружила на этой земле (или на своих картах) какой-то родник, то они вето накладывают на всю процедуру. И получается такая беллетристика, что мама не горюй. Мы почему-то идем не по пути упрощения, а, наоборот, усложнения. Хотя и должны быть некие конкурсные процедуры, чтобы равные условия создать».

Таким образом, возможные и весьма впечатляющие в их проектируемых формах перспективы дальнейшего развития фермерства и его производственных вариаций во многом осложняются недостатком земель. К этому следует добавить практики рейдерских захватов, нацеленных на успешные, имеющие эффективную производственно-экономическую историю хозяйств. Эта сторона проблематики была раскрыта в беседе с кубанским фермером. *«Наше будущее сегодня, к сожалению, во многом не от нас зависит. Оно зависит от власть предержащих... Начнут, например, возбуждать надуманные уголовные дела. Годика два будешь отбиваться, а потом плюнешь и скажешь: “Да пошли бы вы подальше вместе с вашей землей и вашим фермерством треклятым!”. Но отъем идет в основном бандитскими, рейдерскими методами, а не экономическими, конкурентными, как это и водится у людей. Захват чужого – это сейчас такая политика. За мной недавно в джипе несколько недель ездили хлопцы с карабинами на коленях. Ездили молча, я встану, они встанут. Действовали на нервы. А зачем? Они ждали, чтобы я ошибку допустил. А такая ошибка была бы в том, что я в этой ситуации обратился бы за помощью к бандитам. Если бы я это сделал, мне крышка. А я договорился со знакомыми силовиками. Они этих хлопцев припугнули, по-своему. Хотя придраться к ним нельзя было по формальным причинам... Это такой метод захвата – надавить на психику, чтобы я поехал в холдинг и сказал: “Да забирайте все к лешему”».*

Данный фрагмент из интервью с владельцем крупного успешного южнорусского фермерского хозяйства показателен для понимания той социально-политической обстановки, в которой фермерам приходится вести повседневную производственную работу. Их бизнес изобилует, и желающих захватить (присвоить, подчинить, вынудить к зависимости извне) эти лакомые порции аграрной собственности, прекрасно технологически налаженной, оснащенной новейшей техникой, на юге России специально разыскивать не нужно. Они приходят сами – либо в лице откровенных, демонстративно свирепых боевиков с оружием, атакующих фермера психологически, держа его в постоянном напряжении, либо в виде юридически хорошо оснащенных акций организационно-административного характера. А в последнее время и в форме попыток прямого и весьма щедрого подкупа. Понятно, что подобного рода акции не имеют отношения к чисто конкурентно-экономическим отношениям. Поэтому занятия фермерством в условиях Кубани и ряда областей, относящихся к «зерновому поясу» России, осложнены постоянно нависающей над владельцами угрозой внеэкономических, часто исходящих от анонимных источников, действий, имеющих в языке точное оценочно-терминологическое наименование – «наезд». Причем формы таких наездов могут быть весьма изобретательными. Работая с сообществом белгородских фермеров, мы записали историю наезда, имеющего, кроме его очевидной рейдерской подоплеки, характер прямого экологического вредительства. Накануне процедуры европейской сертификации органической продукции этой фермы, их земля подверглась интенсивному гербицидному опылению якобы по ошибке залетевшим на земли хозяйства самолета службы «Авиахимзащиты». Процедура сертификации была в этой связи отложена минимум на три сезона. Хозяйство понесло значительные и к тому же пролонгированные финансовые убытки.

Продолжая свой рассказ, респондент остановился на социальном и психологическом самочувствии представителей поколения фермеров «первого призыва». Диагностика их постепенного «ухода со сцены» и обстоятельств вхождения в сельский мир новой поколенческой когорты фермеров отражена в соответствующем нарративе с заслуживающей пристального аналитического внимания обстоятельностью. *«Холдинги сильно хотят забрать всю мою землю, вместе с техникой импортной, даже с моими коровами и овцами. Для них это лакомый кусок. Они ж меня приглашали несколько раз, и всякий раз очень хорошие деньги предлагали. Конечно, определенный интерес у меня есть. Потому что мне бы тех денег хватило бы на всю оставшуюся жизнь, да и детям хватило бы. Но вопрос ведь не в деньгах. Я сейчас пенсионер, но мне есть, чем заняться. Вот, я проехался по полям, понял, что у меня будет по осени. Вот я с вами разговариваю, делюсь мыслями. Я вам нужен. Я*

говорю, думаю, мне интересно. А если мне не было бы чем заняться, вообще? Остается одно – помирать! Когда человек теряет интерес к жизни, он ни к чему не стремится, ему ничего не хочется. А мы с детства привыкли быть задействованы в чем-то важном и интересном. А тебя этого вдруг лишили».

В данном фрагменте важен не просто список базовых занятий владельца зрелого фермерского хозяйства, хотя взятый сам по себе он содержит весьма интересные в социологическом аспекте подробности, характеризующие завершающие мизансцены жизненной карьеры фермеров первого призыва. Существеннее то, что здесь остро встает вопрос о складывающихся сегодня обстоятельствах наследования успешного родительского бизнеса. Как свидетельствуют отдельные авторы, наиболее оптимистическая оценка смены отцов-фермеров их детьми может быть связана со стабильностью функционирования фермерского дела. Для глав семей, которые встали на фермерскую траекторию существования на старте процесса, то есть в середине 1990-х годов, перспектива этой занятости была принципиально новой, не похожей ни на прошлые практики, ни на одновременно с ними возникшие механизмы корпоративно-долевых укладов. Тогда о планах на длительную перспективу мало кто из новых хозяев задумывался. И только сегодня, при переходе к очередному поколению сельских жителей, становится все более очевидным некий провал в механизме фермерского наследования. Дети фермеров первого призыва, повзрослев, выучившись на «модные специальности», неплохо обосновались, как правило, в областных городах. В определенных масштабах такого рода тенденция продлится в ближайшее будущее. Однако налицо и некая обнадеживающая перспектива в изменении поколенческой перестройки отношений фермеров-отцов и их детей. Как показывают данные интервьюирования, все настойчивей пробиваются в жизнь соображения наследования бизнеса, идеи резервирования кадров для своего фермерского дела, причем по архаической, восходящей к практикам крестьянского семейного двора, модели самовоспроизводства. Проще говоря, «где родился, там и пригодился». Испытанный многими крестьянскими поколениями опыт включающего раннюю аграрную профессиональную ориентацию, воспитания детей, каждодневная забота об их трудолюбии и ответственности представляет собой хорошую опору для появления нового поколения эффективных земледельцев.

Закладываемые успешными, имеющими свободные денежные средства, фермерами «целевые вакансии» для выпускников местных школ и профильных вузов оказываются в конечном счете невостребованными. Сельские юноши и девушки, надеясь по молодости на привычное продление грядущего жизненного пути в родной деревне, часто не в силах пре-

одолеть разнообразные соблазны иного, как правило, городского существования. Тем самым укрепляется некий стандартный поведенческий паттерн, в соответствии с которым известная бытийная формула «где родился, там и пригодился» цинично осмеивается как свидетельство анахронизма и безнадежной архаики. Такого рода поведенческая схема в течение длительного времени выступает как весьма модная линия жизни. Данная тенденция может быть существенно скорректирована. Здесь работают факторы, имеющие как объективный, так и сознательно выстраиваемый характер. Во-первых, это рутинный, не обещающий моментов самореализации характер массовых городских профессий, особенно в сфере торговли и обслуживания. Выпускники вузов, прежде всего выходцы из деревни, вынуждены начинать свою трудовую биографию с работы в супермаркетах, клининговых командах, в качестве курьеров и разносчиков продуктов. Выбраться в более престижный профессиональный кластер для них весьма затруднительно. Это обстоятельство нередко побуждает их вернуться в деревню и начать заниматься собственным подсобным хозяйством, благо, что родители еще живы и имеется приусадебная земля.

Группа «новых фермеров» занимается преимущественно органическими продуктами, чаще всего растениеводством, овощами и ягодами, а также эксклюзивными злаками (полба, спельта). Одним из представителей данного направления выступает Лариса М. (Белгородская область). Ее ферма, кроме злаков и овощей, производит молоко от элитных коров. Интервью было записано в строгом соответствии с пунктами разработанного для исследования вопросника. Остановимся на наиболее информативных фрагментах интервью, которые достаточно обстоятельно и, что важно, в системе выразительных деталей свидетельствуют о разновидностях социально-экономических стратегий и непосредственных хозяйственных практик данного типах фермерских хозяйств, относящихся к новому поколению фермеров, обозначающих себя с помощью формулы «природосберегающие земледельцы».

Говоря о том, каковы преимущества фермерства относительно агрохолдингов, респондент (в дополнение к уже приведенному выше ее высказыванию о том, что «только фермерство сохраняет аутентичность пищевого вещества природы») добавила следующую аргументацию: *«У холдинга на первом месте исключительно экономика. Люди должны получать хорошую зарплату, хозяин должен получать максимальную прибыль. А в маленьком фермерском хозяйстве человек получает удовольствие от того, что он каждодневно возит с природой. Это чувство передается и самой фермерской продукции. Это все равно как еду готовит любимая женщина, или чужая повариха. Из продуктов уходит некая*

эфирная субстанция. И все это обязательно доходит до сознания покупателя. Посмотрите на домашние соленья и на них же, но изготовленных в цеху – и запах, и вид совершенно разные».

Обращает на себя внимание, что характер подобного рода аргументации резко отличается от соответствующих дискурсивных форматов, т.е. способов разговора, свойственных поколению фермеров «первого призыва». В ответах представителей «нового фермерства» на, казалось бы, совершенно стандартные вопросы организационно-экономического свойства, слышится новая, непривычная нотка. В отличие от традиционных производителей, фермеры органического направления решительно и осознанно переворачивают основание их производственной деятельности, уводя экономику в «информационную тень». Вот сигнал такой нестандартности: *«В основе всех наших усилий лежит совесть. А не одна выгода, как в холдингах – там все делается ради прибыли. Вообще в органике, в органическом земледелии есть два главных критерия. Сначала мораль. А уже потом идет экономическая материя. Если мораль стоит на первом месте, а экономика на втором, то это настоящее фермерское, а не торгашеское, настроение».*

Весьма примечателен в данном ответе пафос сугубо личностных детерминаций производственных предпочтений и технологий «новых фермеров». Их действия изначально нестандартны, самостоятельны и в определенном смысле неподражаемы. Разумеется, мы имеем здесь в виду практики, которые систематически реализуются в поколенческой когорте так называемых «новых фермеров» или «посткрестьян» (сравнительно свежий термин в работах современных исследователей).

Подводя краткий итог проведенного летом 2021 года полевого исследования фермерских практик, необходимо сказать, что фермерское сообщество содержит в своем составе не только представителей двух фермерских поколений, пока что сосуществующих во времени, но уже постепенно сменяющих друг друга, и не только различающихся по составу производственных технологий и фермерской продукции, но и разных жизненных миров. К тому же оба типа фермерских хозяйств помещены в те природные территории, которые остались относительно свободными после их присвоения и переформатирования крупными агрохолдингами, т.е. в нынешней сельской России имеют место три основных актора аграрного производства. Выявленная в ходе опроса проблематика, касающаяся соотношения и перспектив хозяйственных практик этих акторов, носит «пристрелочный», первично ориентирующий характер – она заслуживает дальнейшего, более углубленного погружения в ее содержательные глубины.

Заключение

Фермерские хозяйства, наряду с другими субъектами малого предпринимательства, занимающимися сельскохозяйственной деятельностью, используя стратегии по диверсификации производства в части увеличения разнообразия выпускаемой продукции, имеют большой потенциал для снижения рисков в случае резкого изменения рыночной конъюнктуры на выпускаемую их хозяйствами продукцию, чем крупные агропредприятия. Это подтверждается и проведенным нами в 2021 году качественным социологическим исследованием в фермерских хозяйствах Краснодарского края, которое, в частности, показало, что небольшие фермерские хозяйства и семейные фермы все чаще переходят на выпуск традиционной для региона высококачественной продукции с последующей ее переработкой и реализацией на региональном уровне. Такие хозяйства не только сокращают логистические издержки, но переходят на выпуск продукции с добавленной стоимостью. При этом у них формируются тесные взаимосвязи не только с другими фермерскими хозяйствами и местными потребителями, но и с субъектами малого предпринимательства, занятыми, например, в туризме, сервисных отраслях, розничной торговле и т.п.

Располагая массивом профессиональных знаний, технологических умений, коммуникативных навыков и организационных возможностей, научившись мастеровитости, вобравшей в себя многообразные, чаще всего тактические, попытки и опыты, фермерский «социум» накопил к настоящему времени такой потенциал перемен, который уже не может не создать реальный набор весьма перспективных форм. Вместе с тем очевидно, что даже внимательной социологической инвентаризации последних трех десятилетий для полноценного понимания фермерства во всем разнообразии этой динамически развивающейся социально-экономической и социокультурной группы недостаточно. Размеры временной дистанции, постепенно подготовившей ансамбль обстоятельств, подталкивающих к конструированию изменений в фермерских жизненных практиках, гораздо солиднее.

Изначально исследование было направлено на изучение фермерства как целостной совокупности аграрных хозяйственно-экономических практик, сохраняющую в своем составе базовые формы деятельности и культуры крестьянского семейного двора, и активно реагирующую на запросы потребительского рынка и вызовы со стороны окружающей среды. Вместе с тем фермерство представляет собой социально-экономическое сообщество, суммирующее производственно-технологический и культурный опыт предшествующих поколенческих формаций и трансформирующее его в новые технологические и хозяйственные практики, направленные как на развитие инновационных возможностей самого сообщества, так и всего сельского социума в целом. Были выявлены несколько представителей

фермерских сообществ и связанных с ними институций, активно способствующих развитию таких сообществ:

- фермеры «первого призыва», старая фермерская гвардия, создававшая свои хозяйства в начале 1990-х годов, но активно участвующая и сегодня в широкой фермерской повестке, в основном опираясь на использование привычных для них традиционных аграрных хозяйственно-экономических практик;
- фермеры «новой формации», идущие на смену первому поколению и продвигающие инновационные технологические и хозяйственные практики;
- индивидуальные предприниматели, занимающиеся вспомогательными кооперативными практиками, связанными с переработкой и реализацией сельскохозяйственного сырья, произведенного фермерскими хозяйствами;
- должностные лица в органах областной и районной власти, как правило, имеющие опыт сельскохозяйственной деятельности и выполняющие роль экспертов и консультантов по широкому кругу производственных и социально-экономических вопросов, возникающих у фермеров и их сообществ.

Можно выделить две основные модели развития российского фермерства, описывающие возможные сценарии его эволюции. В первой модели основными акторами выступают фермеры «первого призыва», опирающиеся на традиционные аграрные хозяйственно-экономические практики. Они почти не вступают во взаимодействие с другими представителями фермерского сообщества и должностными лицами в органах областной и районной власти, за исключением индивидуальных предпринимателей, занимающихся переработкой и реализацией сельскохозяйственного сырья, произведенного фермерскими хозяйствами. Представители старой фермерской гвардии практически не участвуют в современном кооперативном движении, если не вошли в первую волну этого движения в начале 1990-х годов. На наш взгляд эволюционные возможности этой модели развития в границах нового технологического уклада крайне ограничены. Вторая модель включает несколько ключевых игроков и более разнообразна по сравнению с первой по взаимодействиям. В число ее акторов входят как фермеры «новой формации», продвигающие инновационные технологические и хозяйственные практики, так и индивидуальные предприниматели, кооперирующиеся с фермерами и участвующие в продвижении их инноваций. Первых двух игроков часто поддерживают представители институций – должностные лица в органах областной и районной власти. Эта модель имеет хорошие эволюционные перспективы на инновационных рынках в будущих сельских территориальных кластерах.

Список использованных источников

1. Лебедева Т.С. Становление института фермерства в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 4.
2. Воронина Я.В. Фермерство в Российской Федерации // Аграрный вестник Урала. 2015. № 11.
3. Сафронов С.А. П.А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы. Т. 1: Путь к политическому олимпу. Красноярск, 2015.
4. Кара-Мурза С.Г. 5 ошибок Столыпина. «Грабли» русских реформ. М., 2016.
5. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. М., 1992.
6. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
7. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. М., 2006.
8. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М., 2016.
9. Виноградский В.Г. Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 2.
10. Виноградский В.Г. Крестьянские сообщества сегодня // Социологические исследования. 1996. № 6.
11. Степанян Ц.А. Диалектика становления коммунистической формации. М., 1985.
12. Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня // Судьбы российского крестьянства. М., 1995.
13. Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М., 1996.
14. Мазур Л.Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3.
15. Попова О.В. Признаки крестьянского (фермерского) хозяйства // Юрист. 2018. № 5.
16. Панченко К.В. К вопросу о дуализме природы крестьянского (фермерского) хозяйства // Экономические науки. 2013. № 2.
17. Сафиуллаева Р.И., Нестеренко А.В., Урядова Т.Н. Фермерство в России: история, анализ современного состояния и факторы развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 10.
18. Божков О.Б. Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4.

19. Шайдуллин Р.В., Кайдаров И.Р. Крестьянские (фермерские) хозяйства Татарстана: особенности становления и первые итоги (1990-2010-е гг.) // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 2.
20. Начало десятилетия семейных фермерских хозяйств организации объединенных наций // URL: <http://www.fao.org/family-farming-decade/about/ru>.
21. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств. М., 2021 // URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy#.
22. Сельское хозяйство в России. 2019. М., 2019.
23. Валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных культур по Российской Федерации в 2020 году. М., 2021 // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277>.
24. Бибихин В.В. Собрание сочинений. Т. III: «Новый ренессанс». М., 2013.
25. Бабашкин В.В. Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века: Сб. науч. ст. участников Международного круглого стола. М., 2010.
26. Басалаева И.П. Хронотопы посткрестьянской автобиографии // Известия ИГУ. Серия: Политология. религиоведение. 2013. № 2-2.
27. Мельникова Е.А. Деревня в городских проекциях современных россиян // Этнографическое обозрение. 2020. № 6.
28. Безруких М.В., Багузова Л.В. Подходы к определению сущности понятия кооперационно-сетевое взаимодействие // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2018. № 7.
29. Перепечаева Д.М., Матосян В.А., Арсланов Р.Р. Перспективные направления использования цифровых технологий в розничной торговле РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3-2.
30. Курганова Н.Ю., Чернухин А.М. Современные методы коммуникации с покупателями торговых розничных сетей // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 12.
31. Савченко Е.С., Никулин А.М. «Мы всю жизнь – первопроходцы» // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2.
32. Никулина Ю.Н., Юрченко Т.В., Суровцев В.Н. Зависимость численности сельского населения от уровня развития сельского хозяйства: анализ панельных данных Ленинградской области // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 1.
33. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
34. Великий П.П. Повседневность российского села в начале XXI века. Саратов, 2020.

35. Головина С.Г., Абилова Е.В., Смирнова Л.Н. Эволюция концепции фермерства в аграрной экономической науке // Управление в современных системах. 2021. № 2.
36. От роста к качеству роста в агропромышленном комплексе: как обеспечить переход? // МАЭФ 2020. Пленарная конференция. М., 2020,
37. Фадеева О.П. Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ